

ЗАМѢТКИ О ЮРИДИЧЕСКОМЪ БЫТѢ ЧЕЧЕНЦЕВЪ И ИНГУШЕЙ *).

Н. Н. Харузина.

Ингуши и чеченцы—два племени не только сосѣднія другъ съ другомъ, но и связанныя между собой единствомъ происхожденія. Племенное родство ихъ настолько близко, что нѣкоторые изслѣдователи отождествляли оба народа и нерѣдко, говоря объ ингушахъ, называли ихъ чеченцами. Это родство засвидѣтельствовано между прочимъ и народнымъ преданіемъ, которое рассказываетъ, что изъ чеченскаго аула Даргимъ, около 1810 г., выселилось семь фамилій въ тарскую долину, на рѣку Ангишъ или Ингишъ, притокъ рѣки Камбилеевки. Эти переселенцы, отъ имени р. Ингишъ, стали называться ингушами **). Это преданіе важно, конечно, только какъ свидѣтельство о живущемъ въ обоихъ народахъ сознаниіи своего единства; что-же касается исторической истины, то

*) Все нижеслѣдующее составляетъ результатъ личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ мною во время пребыванія моего лѣтомъ 1886 г., вмѣстѣ съ проф. Вс. О. Миллеромъ, у Чеченцевъ и Ингушей. Описывая ихъ, я старался пополнить пробѣлы въ моихъ замѣткахъ по опубликованнымъ уже книжнымъ матеріаламъ, касающимся Чеченцевъ и Ингушей; въ изложеніи указаны тѣ или другіе книжные источники, которыми я пользовался. Свѣдѣнія собраны мною въ чеченскихъ обществахъ: Нашхойскомъ, Галанчоджскомъ и ингушскихъ: Хамхинскомъ, Цоринскомъ и Метцхальскомъ.

Авторъ.

**) Сб. св. о Терской обл. Г-ца Благовѣщенскаго.

отдѣленіе ингушей отъ чеченцевъ произошло гораздо раньше, такъ какъ ингуши были извѣстны Русскимъ уже въ XVIII в.: такъ въ 1744 г. Россія обратила вниманіе на ингушей съ цѣлью обращенія ихъ въ христіанство, а въ 1747 г. русское правительство сдѣлало распоряженіе принимать ингушей въ подданство Россіи *).

Родство обоихъ племенъ выражается не только въ языкѣ, но и въ обычаяхъ, обрядахъ, религіозныхъ вѣрованіяхъ и т. д., которые почти тождественны у чеченцевъ и ингушей, если не брать нѣкоторыя частности, которыми нерѣдко отличаются обряды не только разныхъ ауловъ, но даже одного и того же селенія. Въ предстоящемъ описаніи буду излагать мои замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей, указывая на подмѣченныя мною различія въ частностяхъ у обоихъ народовъ.

Чеченцы и ингуши рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей тѣмъ, что они не имѣютъ въ своей средѣ понятія о сословіяхъ. Кабардинцы, долго властвовавшіе надъ обоими народами и привившіе имъ многое изъ своихъ обычаевъ, не ввели въ ихъ среду своего рѣзкаго дѣленія на сословія, въ которомъ каждое имѣло свои права и обязанности, выработанныя съ замѣчательной послѣдовательностью и точностью. «Мы всѣ уздени», раздается у чеченцевъ и ингушей въ отвѣтъ спрашивающему у нихъ про сословія. Не смотря на это равенство, чеченское и ингушское общество дѣлилось въ прежнее время на два класса: на свободныхъ и рабовъ. Рабы добывались войной и наѣздами, большею частью изъ числа грузинъ, тушинъ и отчасти русскихъ **). Положеніе рабовъ не было одинаково: одни изъ нихъ «ясирь» могли быть выкуплены и, если хотѣли, могли возвратиться на родину; другіе «лаи», забывшіе свое происхожденіе и религію, дѣлались неотъемлемою собственностью своихъ господъ. Положеніе лаевъ въ

*) Сб. св. о кавк. Горц. IX. ст. Грабовскаго „Ингуши“.

**) Ипполитовъ: Сб. св. о к. г. I. стр. 43.

Чечнѣ современемъ превратилось въ безусловное рабство... Лай почитался въ полномъ смыслѣ слова вещь своего господина, который имѣлъ надъ нимъ безграничную власть. Лай могъ быть проданъ, наказываемъ по произволу, лишенъ жизни по прихоти господина... Не смотря на такое положеніе лаевъ, на рабство чеченцы и ингуши не смотрѣли какъ на что-то постыдное. На рабовъ смотрѣли, какъ на младшихъ членовъ семьи; не рѣдко бывали и случаи отпущенія ихъ на волю. Отпущенникъ тотчасъ-же получалъ всѣ права свободного чеченца; онъ, конечно, не могъ пользоваться сразу силой и вліяніемъ въ мѣстномъ обществѣ, такъ какъ ему не доставало обширнаго родства, на которомъ основывается большій или меньшій вѣсъ въ Чечнѣ. Впрочемъ, отпущенный на волю оставался навсегда въ домѣ своего бывшаго господина, «бралъ въ замужество одну изъ дочерей или родственницъ его и навсегда водворялся при немъ, какъ членъ его семейства» *). Этимъ взглядомъ на рабство и легкостью, съ которой бывшіе господа принимали отпущенниковъ въ члены своей семьи, можно объяснить, что теперь сами чеченцы и ингуши не знаютъ, кто въ ихъ средѣ потомокъ бывшихъ рабовъ.

Говоря объ отсутствіи сословій среди ингушей и чеченцевъ, нельзя, конечно, предполагать, чтобы всѣ роды пользовались одинаковымъ вѣсомъ; роды болѣе богатые, болѣе обширные, считающіе въ своей средѣ большее число родственниковъ, получаютъ и большую долю уваженія отъ другихъ болѣе слабыхъ родовъ. Это становится понятнымъ, если вспомнить, что до сихъ поръ еще у обоихъ народовъ сохранилось весьма много переживаній родового быта. Этому способствовало въ сильной степени отсутствіе личной безопасности во времена, еще не столь отдаленныя. Вражда родовъ случалась крайне часто и продолжалась иногда и по нѣскольку лѣтъ. «Фамиліи, образовавшія чеченское племя и происшедшія изъ

*) Берже. Чечня и чеченцы, стр. 90, 91.

различныхъ элементовъ, находились въ непріязненныхъ одна къ другой отношеніяхъ, онѣ взаимно грабили другъ друга... Сильный побуждалъ слабого, часто убивалъ его, чтобы завладѣть его ничтожнымъ имуществомъ: оружіемъ, платьемъ, конемъ или осломъ. Поэтому фамилія составляла какъ бы одно цѣлое и всѣ ея члены находились въ тѣсной связи. Въ случаѣ обиды, нанесенной члену одной фамиліи, всѣ остальные вступались за него, какъ будто бы она нанесена каждому изъ нихъ лично^{*)}. Объ этомъ бурномъ прошломъ краснорѣчиво говоритъ громадное количество башенъ во всѣхъ видѣнныхъ мною аулахъ чеченцевъ и ингушей; это семейныя башни, за стѣнами которыхъ часто приходилось скрываться роду отъ преслѣдованія другого. Теперь эти башни большею частью необитаемы, многія изъ нихъ даже разрушены, но живы еще преданія, передающія, что такой-то родъ изъ такой-то башни отстаивался отъ другого рода, жившаго въ такой-то башнѣ. Особенно часто вело къ враждѣ родовъ убійство одного изъ родственниковъ: эта причина вражды не исчезла до сихъ поръ и кровная месть господствуетъ и теперь во всей своей силѣ.

За убитого родственника мстятъ не только самому убійцѣ, но и всему его роду. Чтобы спастись отъ преслѣдованія, убійца можетъ или дать выкупъ или примириться съ родомъ убитого. Выкупъ не одинаковъ у чеченцевъ и ингушей; у первыхъ онъ достигаетъ 630 р., у вторыхъ 310 р. съ прибавкой 3-хъ лошадей въ полной верховой упряжи и мелкаго скота. Въ выкупъ должны принимать участіе и родственники убійцы. Въ аулѣ Хайрахъ мнѣ говорили, что, если родственники хотятъ откупиться отъ преслѣдованія со стороны родственниковъ убитого,—они должны дать слѣдующій выкупъ по степенямъ родства: родственники убійцы въ 1-мъ колѣнѣ, кромѣ родныхъ братьевъ, которые должны заплатить 12 коровъ, платятъ 11 коровъ; родственники во 2-мъ—10 коровъ; род-

ственники въ 3-мъ—9 коровъ и т. д.; наконецъ родственники въ 12-мъ колѣнѣ должны заплатить только козленка. Безъ этого выкупа родственники убитого могли мстить родственникамъ убійцы. Въ случаѣ убійства родственника, убійца не подвергался кровной мести и даже не долженъ былъ платить выкупа; тоже самое въ случаѣ убійства братомъ брата, впрочемъ, этотъ обычай не повсемѣстенъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ аулахъ мнѣ говорили, что за убійство родственника или брата убійца подвергался изгнанію изъ аула. Въ случаѣ убійства сына, отецъ не подвергался мести и не долженъ платить выкупа, но обязанъ заключить миръ съ родственниками своей жены (матери убитого) и устроить для нихъ пиръ. Впрочемъ, по свидѣтельству Берже^{*)}, случалось, что сыновья мстили отцу за убійство брата. Женщина-убійца не подвергается преслѣдованію со стороны родственниковъ убитого, — месть въ этомъ случаѣ переходитъ на ея родственниковъ.

Кромѣ выкупа, убійца можетъ еще примириться съ родомъ убитого. Иногда убійца получаетъ прощеніе «ради Бога и пророка Магомета», иногда происходитъ примиреніе обставленное, торжественно: убійца, сопровождаемый родомъ, отправляется на могилу убитого и начинаетъ плакать и стонать; объ этомъ доводятъ до свѣдѣнія родственниковъ убитого, которые, если желаютъ примириться, приходятъ къ могилѣ; убійца долженъ взять стаканъ съ какимъ нибудь напиткомъ (пивомъ, аракой или молокомъ) и, положивъ въ него денегъ (отъ 20 к. до нѣсколькихъ рублей, смотря по состоянію), поднести ближайшему родственнику убитого; тотъ отпиваетъ немного и отдаетъ стаканъ убійцѣ, который въ свою очередь, выпивъ нѣсколько глотковъ, снова передаетъ его ближайшему родственнику убитого и т. д., пока наконецъ они не осушатъ стакана; родственникъ убитого беретъ деньги себѣ; послѣ этого обряда примиреніе считается полнымъ и убійца становится «присяжнымъ братомъ или родственникомъ» (ингуш.

^{*)} Лаудаевъ: Объ св. о. коровъ, стр. 111.

^{*)} Чечня и Чеченцы, стр. 96.

дуобендата) родственниковъ убитого. Послѣ этого убійцу ведутъ въ домъ убитого, гдѣ онъ долженъ три раза приложить-ся къ груди матери убитого, послѣ сего онъ считается молочнымъ сыномъ, братомъ, родственникомъ рода убитого (ингуш. дарбъ). По словамъ г. Лаудаева *), убійца долженъ былъ себѣ при этомъ отпускать волосы и ногти; послѣ же принятія его въ молочное родство, родственники убитого должны были обрить ему голову и остричь ногти. *Неръджо* случается, что примиреніе происходитъ только однимъ способомъ, т. е. или посредствомъ заключенія присяжнаго родства или только молочнаго родства. Мнѣ говорили, что право на заключеніе родства имѣетъ только тотъ убійца, который или не внесъ выкупа вовсе или внесъ не болѣе половины его; по внесеніи же полнаго выкупа, убійца не можетъ быть принятымъ въ число родственниковъ.

Подозрѣваемый въ убійствѣ не обязанъ въ настоящее время давать заложника въ семью убитого; но въ прежнее время, какъ мнѣ передавали, подозрѣваемый былъ обязанъ дать въ семью убитого въ заложники своего брата или сына, который и оставался тамъ, закованный въ цѣпи, до тѣхъ поръ, пока дѣло не выяснилось. Если оказывалось, что подозрѣваемый дѣйствительно виновенъ въ убійствѣ, онъ обязывался заплатить выкупъ за кровь и заложникъ (мохъ) возвращался въ свою семью. Родственники убитого, взявъ заложника, лишались права преслѣдовать убійцу.

Родство свято чтится у чеченцевъ и ингушей; брачныя узы между родственниками кровными и некровными запрещаются до 3-го, 4-го, 7-го, 8-го и даже до 12-го колѣна; въ этомъ отношеніи одни слѣдуютъ постановленіямъ корана, другіе народнымъ обычаямъ. У каждаго чеченца и ингуша кро-мѣ родственниковъ кровныхъ встрѣчается масса некровныхъ родственниковъ. Способы, устанавлиющіе такое родство, крайне разнообразны. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) женщина

*) Сб. св. о Кав. Гор. IV; прим. XXVI.

принимающая ребенка и перерѣзывающая пуповину ему; 2) кормилица, если мать сама не можетъ кормить своего ребенка, считается одной изъ самыхъ близкихъ родственницъ: ее слѣдуетъ любить и почитать, какъ родную мать. 3) Дающій имя ребенку считается также родственникомъ; для выбора именодавца поступаютъ слѣдующимъ образомъ: отецъ избираетъ трехъ знакомыхъ, которые, пришедши въ домъ новорожденнаго, бросаютъ кость (альчикъ): чей альчикъ встанетъ, тотъ и долженъ давать имя ребенку; иногда въ домъ новорожденнаго собирается мѣстная молодежь, которая бросаніемъ альчика опредѣляетъ, кому надлежитъ дать имя ребенку. Если родится дѣвочка, то собираются дѣвушки, отнюдь не замужнія женщины, и по положенію альчика избираютъ ту, которая должна дать имя новорожденной. 4) Родственникомъ считается пріятель жениха, который, передъ выводомъ невесты изъ родительской сакли, обводитъ ее вокругъ стѣнъ или домашнего очага. 5) Молочное и присяжное родство, уже выше описанное. 6) Побратимство и посестріе: побратимство устанавливается, какъ присяжное родство, посредствомъ питья изъ одного сосуда, въ которомъ лежатъ деньги. Послѣ этого братья обязаны обмѣняться подарками, и всю жизнь исполнять желанія другъ друга и не отказывать другъ другу ни въ какомъ подаркѣ. Опредѣленнаго возраста для другъ ни въ какомъ подаркѣ. Опредѣленнаго возраста для заключенія побратимства нѣтъ, «хоть отъ 5-ти лѣтъ»; заключается оно почти исключительно между мусульманами, хотя бы и принадлежащими различнымъ народностямъ; впрочемъ, встрѣчается, что побратимство заключается между молодежью чеченской и армянами и грузинами, что всегда возбуждаетъ неудовольствіе стариковъ. Посестріе заключается посредствомъ обмѣна платья и подарковъ и влечетъ за собой тѣ же послѣдствія какъ и побратимство. 7) Наконецъ—родство устанавливается еще посредствомъ приобщенія къ семейному очагу, которое совершается путемъ прикосновенія къ цѣпному очагу, которое совершается путемъ прикосновенія къ цѣпному очагу, на которой виситъ семейный котелъ; такъ если убійца, пи, на которой виситъ семейный котелъ; такъ если убійца, преслѣдуемый родственниками убитого, вбѣжитъ въ какую

нибудь саклю и успѣть схватиться за священную цѣпь, то хозяинъ сакли не имѣетъ права его выдать; онъ считается его родственникомъ и, какъ таковой, подвергается мести родственниковъ убитого, которые, дѣйствительно, и могутъ убить принявшаго, но стараются украсть у него лошадей, скотъ и т. п. Чтобы избавиться отъ преслѣдованій, хозяинъ, принявшій убійцу, долженъ заплатить родственникамъ убитого 12 коровъ. Всѣ подобные родственники пользуются большимъ уваженіемъ у чеченцевъ и ингушей и брачныя узы воспрещаются между некровными родственниками, иногда въ тѣхъ же степеняхъ, какъ и между кровными.

Возвращаясь къ родству кровному, слѣдуетъ отмѣтить что родство со стороны отца считается важнѣе, чѣмъ родство со стороны матери. Это выражается между прочимъ при избраніи опекуна: сначала обращаются къ дядѣ, а за неимѣніемъ его, къ двоюродному брату со стороны отца, и только за неимѣніемъ ихъ къ дядѣ со стороны матери.

Между дядями и племянниками существуютъ слѣдующія отношенія. Дядя долженъ подарить своему племяннику коня; если изъ одной семьи дядя имѣетъ нѣсколько племянниковъ, онъ даритъ коня только старшему. Когда племянникъ достигаетъ пятнадцатилѣтняго возраста (возраста, въ которомъ чеченецъ и ингушъ считаются совершеннолѣтними), онъ отправляется къ дядѣ и приноситъ ему барана, пива и араки. Принявъ этотъ подарокъ, дядя обязанъ отдарить племянника конемъ; если же дядя будетъ отговариваться и медлить своимъ подаркомъ, то племяннику дозволяется украсть у дяди коня. По полученіи подарка племянникъ получаетъ право сидѣть въ присутствіи своего дяди, тогда какъ до этого онъ долженъ былъ стоять въ присутствіи его.

Родственники не живутъ всѣ вмѣстѣ, они дѣлятся на дворы, причемъ каждый дворъ имѣетъ свое общее имущество. Число близкихъ родственниковъ, живущихъ на одномъ дворѣ, крайне разнообразно. Женатыя сыновья обыкновенно оста-

ются жить при отцѣ, такъ что нерѣдко можно встрѣтить семьи, въ которыхъ живутъ до десяти взрослыхъ мужчинъ; какъ на исключеніе мнѣ указывали дворъ въ сел. Койрахѣ (Метцхальскаго общ.), въ которомъ живутъ вмѣстѣ 27 родственниковъ.

Женатый сынъ обыкновенно строитъ себѣ отдѣльную саклю, но владѣетъ землей сообща съ отцемъ.

Въ подобныхъ большихъ семьяхъ большакомъ является отецъ; за смертью его власть переходитъ къ старшему сыну, который, въ этомъ случаѣ, предпочитается даже старшему дядѣ. Такой большакъ носитъ названіе «ценда». Жена *ценда* бываетъ обыкновенно большухой (*ценана*); если по смерти отца остается мать, то она продолжаетъ оставаться большухой. *Ценда* управляетъ всѣми работами мужчинъ; *ценана* — работами женщинъ. Если одинъ изъ членовъ семьи уходитъ на заработки, онъ долженъ приносить отцу все заработанное. Глава семьи является безконтрольнымъ распорядителемъ семейнаго имущества (въ особенности, если *ценда* — отецъ). Онъ можетъ его продать, сдать въ аренду, заложить и т. п., не спрашивая согласія семьи. Не слѣдуетъ однако думать, что хозяева поступаютъ такимъ образомъ, такъ какъ противъ произвола хозяина у остальныхъ членовъ существуетъ обора — требованіе раздѣла. Вслѣдствіе этого *ценда* передъ продажей части или всего семейнаго имущества совѣтуется со всѣми членами семьи; къ этому семейному совѣту привлекаются исключительно совершеннолѣтніе (т. е. достигшіе 15-ти-лѣтняго возраста) мужчины. Стоитъ одному изъ нихъ не захотѣть продажи имущества, — и *ценда* долженъ будетъ или отказаться отъ своего желанія или допустить семейный раздѣлъ. Слѣдовательно, хотя народныя возрѣнія и допускаютъ безконтрольное распоряженіе домохозяина семейнымъ имуществомъ, — однако онъ ограниченъ въ своемъ произволѣ боязнью раздѣла. Женщины, даже сама *ценана*, не имѣютъ голоса въ семейномъ совѣтѣ; конечно, мужа ихъ могутъ спрашивать совѣта, но несогласіе женщинъ не считается до-

статочнымъ, чтобы измѣнить намѣреніе всей семьи. Если пенда слишкомъ состарится, такъ что веденіе хозяйства ему не подъ силу, или если онъ сойдетъ съ ума, главенство въ семьѣ переходитъ къ его старшему сыну; если же послѣдній не достигъ еще совершеннолѣтія, то все управленіе дома сосредоточивается въ рукахъ матери. Смѣнить домохозяина семья не имѣетъ права: недовольные члены могутъ требовать только раздѣла.

За послѣднее время среди чеченцевъ и ингушей все чаще и чаще происходятъ семейные раздѣлы. Поводами этого явленія выставляется обыкновенно недовольство стариками: молодые тяготеютъ властью старшихъ, а старики негодуютъ на молодежь за то, что она ихъ не слушается, что она хочетъ быть умнѣе ихъ и т. п. Подобныя жалобы обыкновенно слышатся въ отвѣтъ спрашивающему о причинахъ раздѣловъ. Кромѣ этихъ поводовъ приводится однако самими чеченцами еще одинъ, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, и слѣдуетъ признать за одну изъ важныхъ причинъ, это—малоземелье. Такъ какъ общество дѣлитъ землю не по душамъ, а по числу дворовъ, въ наслѣдственное владѣніе каждаго двора, причемъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ каждому новому двору оно нарѣзаетъ надѣлъ изъ запасныхъ земель, то естественно, что родственникамъ выгоднѣе дѣлиться, чѣмъ жить всѣмъ вмѣстѣ, въ особенности, если ихъ много на одномъ дворѣ, такъ какъ при раздѣлѣ каждый вновь образовавшійся дворъ получить особый надѣлъ отъ общества. Поэтому все чаще и чаще случается, что сынъ, женившись, требуетъ раздѣла и прежнія большія семьи распадаются все болѣе и болѣе на нѣсколько самостоятельныхъ небольшихъ семей, получающихъ каждая новый наслѣдственный надѣлъ отъ общества.

Раздѣлы совершаются болѣею частью полюбовно, и только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣло не обходится безъ призванія старшины и стариковъ, на обязанности которыхъ въ этомъ случаѣ лежитъ умиротвореніе дѣлящихся сторонъ. Если сынъ новья дѣлится при жизни отца, то каждый изъ нихъ полу-

часть равную долю и строить себѣ саклю; жена и дочери остаются при отцѣ; впрочемъ, если у послѣдняго нѣсколь-ко жонъ, то одна можетъ перейти жить къ своему сыну. Если же раздѣлъ происходитъ по смерти отца, то мать и дочери переходятъ по желанію къ одному изъ дѣлящихся; обыкновенно впрочемъ мать и дочери остаются жить съ младшимъ сыномъ. Что касается сакли отцовской, то она должна переходить къ старшему брату; но если у послѣдняго уже есть своя сакля, то отцовскій домъ остается за младшимъ братомъ; иногда цѣна сакли вычитается изъ доли младшаго брата, но обыкновенно она уступается ему даромъ. Бываетъ также нерѣдко, что сынъ, содержащій мать и своихъ сестеръ, получаетъ по соглашенію съ другими братьями часть большую, чѣмъ остальные. Дочери и мать не получаютъ доли въ имуществѣ; впрочемъ, матери дается право выбрать любую корову изъ стада и подарить ее тому сыну, въ домъ котораго она переходитъ жить. Братья и послѣ раздѣла обязаны заботиться о выдачѣ своихъ сестеръ замужъ. Калымъ, вносимый женихомъ, дѣлится братьями по ровну; братья сообща-же обязаны приготовить для своей сестры вещи, которыя невѣста обыкновенно приносить съ собой въ домъ жениха (напр. сундуки, платья, тюфяки и т. п.). Если сестра умретъ въ дѣвушкахъ или даже по выходѣ замужъ, то похороны должны быть справлены на общій счетъ всѣхъ братьевъ; тоже самое и въ случаѣ смерти матери, которую хоронятъ всѣ братья на свой счетъ, а не только тотъ, у котораго жила покойница.

У чеченцевъ и ингушей, какъ магометанъ, допускается многоженство; немногіе однако пользуются своимъ правомъ и держатъ болѣе одной много двухъ женъ. Причиной этого слѣдуетъ считать какъ большой калымъ, который приходится выплачивать жениху родителямъ невѣсти, такъ и дороговизну содержанія жены и наконецъ боязнъ семейныхъ ссоръ. «У ко-

го двѣ жены, тому не надо собакъ въ домѣ, говорятъ ингуши, намекая этимъ на постоянную ссору между женами. Богатые люди въпрочемъ имѣютъ и по 3 и 4 жены; мнѣ говорили даже про одного богатаго чеченца Саадула Бекеева, у котораго будто бы было 17 женъ.

Положеніе женщинъ у чеченцевъ и ингушей крайне тягостно; на нихъ лежатъ всѣ работы не только домашнія, но и полевые; голоса въ семейныхъ совѣтахъ, какъ было уже сказано, онѣ не имѣютъ; наконецъ имъ приходится терпѣть постоянныя униженія со стороны мужей. Женщина обязана при встрѣчѣ съ мужчиной сойти съ дороги, повернуться къ нему спиной и наклониться; когда женщины входятъ въ комнату, гдѣ собрались мужчины, онѣ забиваются въ уголъ и не смѣютъ взглянуть на нихъ. Не смотря на полное подчиненіе женщины, нельзя однако сказать, что она по народнымъ воззрѣніямъ лишена вполне всякой вѣжливости со стороны мужчинъ, или находится въ полной зависимости отъ мужа: если женщина должна дать дорогу мужчине, то мужчина обязанъ проѣхать такъ, чтобы оружіе его не было обращено къ сторонѣ женщины; бить или убивать свою жену считается величайшимъ позоромъ; общество клеймитъ презрѣніемъ такого мужа; кромѣ того за убійство жены виновный подвергается мести ея родственниковъ и долженъ имъ выплатить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ ту же пеню, какъ и за убійство мужчины (т. е. 630 р.). Но этого слишкомъ мало, конечно, чтобы сказать, что женщина у чеченцевъ и ингушей свободна; мужья часто злоупотребляютъ своею властью и мало обращаютъ вниманія на голосъ общества; случаются и убійства женъ, причемъ нерѣдко дѣло кончается примиреніемъ и пиромъ.

Чеченецъ или ингушъ, желая жениться и заручившись согласіемъ, вноситъ родителямъ невесты калымъ, размѣръ котораго варьируется въ разныхъ аулахъ отъ 70 — 500 руб. Иногда женихъ, по соглашенію съ родителями невесты, вноситъ только часть калыма, оставляя другую часть у себя, ко-

которую онъ обязуется выдать въ случаѣ развода съ женой *).

Жена приноситъ съ собой въ домъ смотря по состоянію семьи одинъ или нѣсколько сундуковъ съ платьями, тюфяки, ковры и т. п. Это составляетъ ея собственность, въ которую мужъ не имѣетъ права вмѣшиваться.

Грубое обращеніе мужей заставляетъ часто ихъ женъ убѣгать къ своимъ родителямъ или требовать развода судомъ. Въ случаѣ побѣга власти возвращаютъ жену къ мужу. Если жена неоднократно повторяла свои побѣги и нѣтъ видимой причины къ подобнымъ побѣгамъ, то она должна отдать мужу не только калымъ, внесенный за нее, но и оставить въ пользу мужа всѣ вещи, которыя она принесла въ домъ своего мужа; мужъ кромѣ этого имѣетъ право взыскать съ родственниковъ своей невесты еще двойной калымъ. Жена становится послѣ этого свободной, но она не имѣетъ права выйти замужъ за другаго до истеченія шестимѣсячнаго срока; за нарушеніе этого второй мужъ ея подвергается пенѣ въ пользу перваго мужа 1) въ размѣрѣ двойнаго калыма 2) за безчестіе въ размѣрѣ 300 р. и 3) еще особому штрафу въ 50 р. **).

Развода жена безъ согласія мужа получить не можетъ. Но жена можетъ въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ въ случаѣ дурнаго обращенія съ ней мужа, подать просьбу о разводѣ въ Горскій Словесный судъ. По словамъ г. Грабовскаго ***), судъ назначаетъ сперва посредника, челоѣка извѣстнаго своими хороши, и качествами, для наблюденія отношеній между супругами. Если и послѣ этого поступаютъ жалобы отъ жены, и посредникъ съ двумя соприсяжниками подтвердитъ основательность подобныхъ жалобъ, то судъ даетъ разводъ и жена получаетъ полную свободу. При такомъ разводѣ

*) Насколько этотъ обычай повсемѣстенъ провѣрить не могъ.

**) Ibid.

***) Стр. 51.

жена получаетъ все свое имущество обратно и можетъ во всякое время выйти замужъ.

Насколько женѣ трудно выхлопотать себѣ разводъ, настолько легко мужу развестись съ своей женой. Онъ можетъ во всякое время дать ей разводъ, даже если она этого и не желала бы и не давала на это согласія. Въ прежнее время (до 1863 г.) въ случаѣ такого развода мужу возвращался калымъ, издержки по свадьбѣ, подарки его и наконецъ даже сумма, которая была израсходована мужемъ на поминоеніе родственниковъ своей жены. До тѣхъ поръ пока родственники жены не уплачивали все это мужу, она не имѣла права выйти замужъ. Если же до уплаты долга мужу разведенная жена вторично выходила за мужъ, то первый мужъ считалъ это за кровную обиду, возбуждавшую кровную месть. Если родственники разведенной не могли выплатить калыма ей мужу, они давали ему корову съ телкой, служившую доказательствомъ на судѣ дѣйствительно происшедшаго развода, если бы мужъ сталъ отказываться отъ развода и требовать свою жену обратно; при уплатѣ недостающей части калыма корова съ телкой не принималась въ расчетъ *).

Въ настоящее время ни возвращенія калыма, ни подарковъ и другихъ расходовъ мужъ требовать не можетъ; мало того, онъ долженъ доплатить калымъ, если до этого онъ не отдалъ его сполна. Если мужъ требуетъ развода и можетъ доказать, что его требованіе вызвано развратнымъ поведеніемъ жены, — то жена обязана выплатить мужу данный имъ калымъ *). У ингушей мужъ, по прихоти прогнавшій отъ себя жену, обязанъ давать ей каждый годъ одно платье, шаровары, два платка и двѣ пары башмаковъ **). Иногда разводы случаются нѣсколько дней послѣ свадьбы; мнѣ говорили, что причиной такихъ скорыхъ разводовъ слѣдуетъ считать то, что же-

*) Грабовскій, стр. 52.

*) Тамъ же.

***) Дубровинъ, Исторія войны и т. д., стр. 430.

нихъ находить свою вину въ лишенной невинности. Не желая ни дѣлать огласки, ни держать при себѣ такую жену, мужъ, проживъ съ ней недѣлю, даетъ разводъ.

Дѣти, дочери и сыновья при разводѣ остаются съ отцомъ, на обязанности котораго и лежить воспитать ихъ, а дочерей выдать за мужъ. Мать не можетъ требовать ихъ изъ дома отца ни къ себѣ въ домъ, ни въ домъ своихъ родственниковъ *). Если же отецъ почему-либо не хочетъ оставить дѣтей у себя, онъ можетъ передать ихъ своей разведенной женѣ, но обязывается выдавать ей по 12 руб. за каждого ребенка **).

Вдова можетъ выйти замужъ за кого хочетъ, но предварительно она должна увѣриться, что ближайшій родственникъ ея покойнаго мужа не хочетъ взять ее за себя. Если ближайшій родственникъ покойнаго откажется взять его вдову къ себѣ въ жены и дать ей разводъ, то она можетъ искать себѣ другаго мужа. Но если родственникъ покойнаго не соглашается жениться на ней, а разводной не дастъ, то вдова лишается возможности выйти вторично замужъ. Она или остается въ домѣ покойнаго, либо уходитъ жить къ своимъ родственникамъ. Въ послѣднемъ случаѣ она лишается права на имущество мужа, которое переходитъ къ его ближайшимъ родственникамъ.

Относительно права наслѣдованія не существуетъ, какъ кажется, ничего опредѣленнаго; наслѣдство дѣлится иногда по адату, иногда по шаріату; наконецъ, и адаты не вездѣ одинаковы. Такъ въ однихъ мѣстахъ мнѣ привелось слышать, что духовныя завѣщанія не существуютъ, если есть родственники у умершаго, въ другихъ, наоборотъ, что отецъ можетъ передать свое имущество любому; въ однихъ округахъ жена и дочери совсѣмъ устраняются отъ права наслѣдованія, въ другихъ онѣ получаютъ узаконенныя шаріатомъ доли. Тамъ, гдѣ вліяніе шаріата не успѣло еще вы-

*) Грабовскій: стр. 53.

**) Дубровинъ: стр. 436.

тѣснить народныя взгляды на наслѣдованье, — наслѣдство дѣлится, на сколько мнѣ довелось узнать, слѣдующимъ образомъ: если у умершаго остается семья, — то имущество переходитъ къ его сыновьямъ, которые, если не пожелаютъ жить вмѣстѣ, дѣлятъ родительское имущество на равныя части. Если во время раздѣла одинъ изъ женатыхъ братьевъ умираетъ, — доля его переходитъ къ его вдовѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вдова получаетъ также извѣстную долю въ наслѣдствѣ, она сохраняетъ ее только въ томъ случаѣ, если она остается жить въ домѣ покойнаго, въ противномъ случаѣ она теряетъ право на свою долю. Если умершій не оставляетъ послѣ себя сыновей, но имѣетъ одну дочь, то имущество его дѣлится на двѣ части: одна достается его дочери, другую получаетъ ближайшій родственникъ; если осталось нѣсколько дочерей, то $\frac{2}{3}$ имущества достаются имъ; $\frac{1}{3}$ — ближайшему родственнику *). Если умершій не оставилъ послѣ себя дѣтей, то наслѣдство переходитъ къ его внукамъ; за отсутствіемъ ихъ, къ ближайшимъ родственникамъ. Умирающій можетъ завѣщать часть своего имущества въ мечеть или на богоугодныя дѣла, но онъ имѣетъ право сдѣлать это только такъ, чтобъ завѣщанная доля не превышала $\frac{1}{3}$ всего достоянія **). По смерти сына, если у него нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, имущество его переходитъ къ братьямъ; это правило однако нельзя возвести въ общее, такъ какъ г. Берже ***)) передаетъ, что въ такомъ случаѣ отецъ получаетъ предпочтеніе передъ братьями и племянниками. Оставленные покойнымъ долги ****)) уплачиваются наслѣдниками до раздѣла имущества; если-же заимодавецъ объявлялъ о слѣдуемой ему суммѣ послѣ раздѣла, то долгъ раскладывался между всѣми наслѣдниками, кромѣ женщинъ.

*) Леонтовичъ: Адаты II, стр. 100.

**) Берже, стр. 102.

***) стр. 100.

Если дѣти по смерти отца остаются малолѣтними, опеку надъ ними принимаетъ дядя со стороны отца, за неимѣніемъ его двоюродный братъ съ отцовской же стороны; только въ случаѣ неимѣнія ихъ опека переходитъ къ дядѣ или двоюродному брату съ материнской стороны. За неимѣніемъ родственниковъ опеку беретъ на себя по желанію какой-нибудь житель даннаго аула, пользующійся доброй славой среди своихъ одноаульцевъ. Опекуны получаютъ составленную кадіемъ опись имущества, оставшагося послѣ покойнаго; онъ долженъ хранить наслѣдство сиротъ и при ихъ совершеннолѣтіи отдать его имъ по той-же описи. Опекуны не отвѣчаютъ ни передъ кѣмъ, если имущество опекаемыхъ имъ лицъ было потеряно имъ невольно, или если несчастный случай истребить наслѣдство, ввѣренное его храненію. Но если опекуны будутъ уличены въ кражѣ или растратѣ имущества, то родственники опекаемыхъ, по словамъ г. Берже *), имѣютъ право жаловаться кадію, на обязанности котораго лежитъ разобратъ это дѣло и если опекуны окажутся виновными, смѣнить его и принудить возратить утраченное. Тоже должно сдѣлать опекуны, если при передачѣ имѣнія совершеннолѣтнимъ сиротамъ, окажется, что часть имущества ихъ истрачена и если при этомъ опекуны не могутъ доказать, что это произошло не по его винѣ.

При заглажномъ положеніи женщинъ не представляется удивительнымъ, что онѣ не допускаются къ опекѣ. Наслѣдство передается опекаемымъ или когда имъ всѣмъ мѣстѣ совершеннолѣтіе, или каждому отдѣльно по мѣрѣ того, какъ они достигаютъ совершеннолѣтія. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. если старшій братъ, достигнувъ совершеннолѣтія, потребуетъ, чтобы опекуны выдѣлили ему приходящуюся на его долю часть имѣнія — кадіи въ присутствіи двухъ, трехъ свидѣтелей дѣлятъ все имѣніе поровну по числу наслѣдниковъ, бросающъ жребій и отдающъ старшему брату часть, выпавшую по жребію **).

*) Стр. 102.

Земля, какъ ужъ было сказано, подѣлена между жителями поворно въ наслѣдственную собственность; это относится къ пахотнымъ землямъ и только отчасти къ покоснымъ, которыя иногда подѣлены между дворами въ наслѣдственное владѣніе, иногда-же передѣляются черезъ извѣстный промежутокъ времени. Срокъ, на который дѣлятся покосныя мѣста, крайне разнообразенъ: иногда луга дѣлятся каждый годъ, иногда же лѣтъ на 10, на 15, смотря по соглашенію между собой дѣлящихся. Для производства раздѣла выбираютъ отъ 5 до 10 стариковъ, по числу которыхъ и сами жители дѣлятся на участки; каждому старику дается еще по одному, либо по два помощника. Старики съ своими помощниками дѣлятъ всю покосную землю на столько частей, сколько ихъ самихъ (стариковъ), наблюдая при этомъ, чтобы участки съ плохой травой были больше, чѣмъ участки съ хорошей травой. Затѣмъ каждый участокъ дѣлится еще по десяткамъ (смотря по тому, сколько десятковъ дворовъ причислено къ каждому изъ стариковъ); наконецъ каждый десятокъ дѣлится еще по числу дворовъ; иногда второе дѣленіе по десяткамъ выпускается, такъ что, раздѣливъ землю по числу стариковъ, приступаютъ прямо къ дѣленію по дворамъ. Когда кончено дѣленіе земли по дворамъ, представители семействъ берутъ палочки и дѣлаютъ на нихъ свои помѣты; палочки эти передаются старикамъ; затѣмъ выбирается человекъ, не знающій этихъ помѣтъ, или мальчикъ, который и вынимаетъ эти палочки и раскладываетъ ихъ подрядъ по участкамъ, начиная съ крайняго, праваго или лѣваго—безразлично; домохозяева сообразно съ этимъ получаютъ свои участки и становятся на нихъ.

Передъ началомъ паханья и сѣнокоса одноаульцы собираются вмѣстѣ, причемъ каждый приносить, сколько можетъ, припасовъ и барановъ. Барановъ рѣжутъ всѣ вмѣстѣ; затѣмъ начинается пиръ, сопровождаемый пѣснями и плясками; неисполненіе этого обычая, какъ мнѣ говорили, по мнѣнію ингушей и чеченцевъ, вредитъ успѣшному окончанію сельскихъ работъ.

Послѣ жатвы устраивается также пиршество всѣмъ ауломъ. Если какой нибудь домохозяинъ видитъ, что онъ справиться съ своей землей не можетъ своими силами, онъ приглашаетъ своихъ одноаульцевъ на помощь. Отказаться отъ такого приглашенія считается крайне позорнымъ. Пригласившій обязанъ, по окончаніи работы, угостить помогшихъ ему; угощеніе устраивается на самомъ мѣстѣ производства работы и сопровождается пѣніемъ и пляской. Кромѣ помощи въ сельскихъ работахъ, житель аула получаетъ еще помощь своихъ одноаульцевъ при постройкѣ новой сакли: весь аулъ сбѣгается къ нему и старается по силамъ помочь строящему; въ благодарность за это строящій обязанъ угостить весь аулъ.

Лѣса находятся въ общемъ владѣніи; каждый имѣетъ право рубить деревья сколько ему понадобится, иногда даже не обращаютъ вниманія, если рубящій продаетъ деревья; но въ большинствѣ случаевъ продажа деревьевъ изъ общественнаго лѣса преслѣдуется обществомъ. Существуютъ у чеченцевъ и ингушей и заповѣдныя лѣса, рубить которые строго запрещается: это ихъ священные рощи, посвященные какому нибудь божеству пользующемуся поклоненіемъ у народа. Слѣдуетъ замѣтить, что въ вѣрованіяхъ чеченцевъ и ингушей, исповѣдующихъ исламъ и преданныхъ ему нерѣдко до фанатизма, сохранилось много остатковъ полнаго язычества и язычества смѣшаннаго съ христіанствомъ.

Пастбища, какъ и лѣса, находятся въ общемъ владѣніи; каждый дворъ можетъ высылать на эти пастбища сколько ему угодно головъ скота. Для пастбы овецъ и коровъ, каждый хозяинъ нанимаетъ пастуха; это впрочемъ относится только къ богатымъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ 300 и болѣе головъ мелкаго скота. Пастуху платятъ рублей 60 въ лѣто, причемъ онъ имѣетъ право питаться молокомъ и дѣлать себѣ сыръ. Чтобы имѣть возможность отличить своихъ овецъ, хозяинъ мѣтитъ имъ уши, или прокалывая ихъ шиломъ или дѣлая надрѣзы на ухѣ или наконецъ отрѣзая часть уха.

На общественныя пастбища посылаются и табуны, которые и остаются на нихъ до конца лѣта.

Весь аулъ нанимаетъ табунщика и платитъ ему рублонъ 90, 100 въ лѣто; кромѣ этой платы табунщики ничего не получаютъ; даже муку, которую они берутъ съ собой имъ приходится покупать на свой счетъ.

Лошадямъ обыкновенно вырѣзаютъ тавры. Тавры, по рассказамъ ингушей и чеченцевъ, перешли къ нимъ отъ кабардинцевъ, которые, какъ извѣстно, долго властвовали надъ ними и которымъ ингуши еще въ началѣ этого столѣтія платили дань.

Тавры существуютъ далеко не у всѣхъ семействъ; нѣкоторые семьи ввели у себя тавры уже давно, нѣкоторые же вводятъ ихъ только теперь. Рисунки тавръ крайне разнообразны: нѣкоторые имѣютъ видъ круга, креста и т. п., другія представляютъ собой совершенно произвольную фигуру, значеніе которой не возможно разобрать; наконецъ третьи ничто иное какъ начальныя буквы фамилій—владѣльцевъ лошадей. Буквы большею частью русскія и встрѣчаются у тѣхъ фамилій, члены которыхъ побывали въ русскихъ городахъ или школахъ. Между таврами, встрѣчаемыми у чеченцевъ и ингушей, попадаются и такія, рисунки которыхъ заимствованы у кабардинцевъ. Названія, на сколько мнѣ извѣстно, рисунка тавръ не имѣютъ, а называется по фамиліи, которая присвоили себѣ тотъ или другой рисунокъ тавра (напримѣръ тавро Танкѣвское и т. п.)

Если отецъ выбралъ себѣ какое нибудь тавро, оно становится обязательнымъ для всѣхъ его нисходящихъ потомковъ. Если сыновья дѣлятся съ отцомъ, тавро переходитъ къ нимъ неизмѣннымъ, на немъ не прибавляется ни чертъ, ни рисунковъ. Если у отца тавра нѣтъ, сынъ можетъ себѣ выбрать любое тавро; оно становится обязательнымъ для его потомковъ, но отецъ и братья не принуждены принять его тавро.

Возвращаясь къ стадамъ слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно стада пускаютъ въ поле по пятницамъ; никакихъ обрядовъ при этомъ, какъ и при встрѣчѣ стадъ осенью, насколько мнѣ извѣстно, не соблюдается.

Если у какого нибудь домохозяина земли болѣе, чѣмъ онъ можетъ обработать, онъ обыкновенно сдаетъ ее въ аренду, съ условіемъ, чтобы арендаторъ далъ ему извѣстную часть урожая, обыкновенно мѣръ 10 зерна съ десятины. Письменныхъ условій при этомъ не заключаютъ, не бываетъ также и свидѣтелей при этой сдѣлкѣ, такъ какъ каждый сдающій въ аренду полагается на честность арендатора.

При отдачѣ скота въ пользованье отдающій требуетъ обыкновенно, чтобы его скотъ былъ ему возвращенъ съ приплодомъ за то количество лѣтъ, на которое взялъ занимающій.

Говоря о чеченцахъ и ингушахъ, нельзя не упомянуть и о гостепріимствѣ. Гость считается особой священной, хозяинъ обязанъ охранять его отъ всѣхъ могущихъ постигнуть его несправностей; кромѣ того хозяинъ обязанъ оказывать своему гостю всевозможные знаки вниманія: онъ долженъ держать ему стремя, не имѣетъ права сѣсть въ его присутствіи безъ особой просьбы со стороны гостя, долженъ исполнять всѣ желанія гостя, и наконецъ не имѣетъ права отказать ему въ подаркѣ, чего бы гость ни потребовалъ изъ находящихся въ саклѣ вещей. Хозяинъ имѣетъ право также просить у гостя подарка, но исполненіе этой просьбы не обязательно для гостя. Хозяинъ долженъ сдѣлать пріятнымъ время пребыванія кунака подъ его кровлей; поэтому считается величайшимъ позоромъ для хозяина, если гость, возвратясь въ аулъ, остановится у другаго. Существуетъ обычай, по которому хозяинъ долженъ, если у него, во время пребыванія въ его домѣ кунака, родится ребенокъ, предложить гостю дать имя этому ребенку. Гость даетъ новорожденному обыкновенно свое имя. Послѣ этого хозяинъ и гость считаются родственниками.

Хозяинъ является отвѣтственнымъ за безопасность гостя. За убійство гостя долженъ мстить хозяинъ. Убійца платитъ хозяину 70 коровъ, которыхъ хозяинъ у себя оставить не можетъ: онъ долженъ ихъ отослать родителямъ убитаго. Общественное мнѣніе съ презрѣніемъ относится къ тому, кто не

мстить за убійство гостя или за обиду, нанесенную послѣдному. По словамъ Берже *), общество не даетъ покоя ховлину, медлящему смыть обиду, нанесенную ему въ лицѣ гостя; ночью на дворѣ виновнаго хозяина насыпаютъ кучу камней; почью хозяинъ снесетъ ее,—на будущую ночь бугоръ снова окажется насыпаннымъ; что продолжается до тѣхъ поръ, пока виновный не отомститъ за оскорбленіе, нанесенное гостю. Такъ, вѣдшимъ своимъ обязанностямъ по отношенію къ гостю, до тѣхъ поръ, пока онъ не смоетъ съ себя позора за нарушение правъ гостепріимства. Если кунакъ умеръ въ домѣ хозяина естественной смертью, то хозяинъ наслѣдуетъ все имущество, бывшее при умершемъ.

Тяжбы и ссоры, которыя возникаютъ въ средѣ чеченцевъ и ингушей, разбираются въ горскомъ словесномъ судѣ, въ сельскихъ судахъ и наконецъ въ судѣ третейскомъ. Не распространяясь на сей разъ о двухъ первыхъ, отмѣтимъ только, что обнаруживанье дѣла рѣдко обходится безъ доказчика (инг. «экхъ»): къ потерпѣвшему является обыкновенно кто нибудь, знающій виновныхъ и соглашается за извѣстную плату обнаружить ихъ. Имя доказчика держится въ тайнѣ изъ боязни, что виновные или родственники ихъ будутъ метить за обнаруженіе преступленія. Плату доказчикъ получаетъ отъ потерпѣшаго, который въ свою очередь имѣетъ право взыскать ее съ виновнаго; требуется только, чтобы потерпѣвшій далъ присягу въ томъ, что онъ общалъ доказчику именно ту сумму, которая показана имъ.

Что касается третейскаго суда, то слѣдуетъ отмѣтить, что это одна изъ часто встрѣчающихся формъ разбирательства дѣла, въ особенности въ случаѣ вражды двухъ членовъ рода, земельныхъ споровъ, нанесеніи ранъ и т. п. Старики обыкновенно стараются примирить враждующихъ; если ихъ уговоры не достигаютъ цѣли, то 3 или 4 старика предлагаютъ

*) Стр. 87.

сторонамъ судиться у нихъ. Если стороны согласны передать дѣло суду стариковъ, то враждующимъ приходится принести присягу въ томъ, что они подчинятся приговору судей; затѣмъ обѣими сторонами избираются поручители изъ родственниковъ, по одному для каждой стороны, для принужденія сторонъ къ исполненію рѣшенія судей. Послѣ этого судьи заставляютъ стороны удалиться, совѣтуются между собой и прійдя къ какому нибудь рѣшенію, объявляютъ свой приговоръ сторонамъ.

Третейскіе судьи, въ Хамхинскомъ обществѣ по крайней мѣрѣ, получаютъ въ награду за свое рѣшеніе по одному барану отъ каждой коровы, которую виновный долженъ заплатить потерпѣвшему.

Дѣла рѣшаются въ большинствѣ случаевъ по адату (т. е. народному юридическому обычаю), для чего въ Горскій словесный судъ посылаются депутаты. Хранителями адатовъ являются старики, которые въ свою очередь охотно поучаютъ молодежь, которая, въ благодарность по обученію, даетъ имъ деньги или трехъ барановъ. О происхожденіи судебныхъ адатовъ приведемъ сказаніе, записанное г. Берже *). Когда чеченцы распространились до Сунжи и Терека, страшные безпорядки и безчинства, господствовавшіе среди нихъ, заставили ихъ потерять всякое уваженіе къ своимъ старикамъ. Но такъ какъ безпорядки становились все сильнѣе и не было у нихъ уважаемыхъ адатовъ, они рѣшились послать къ ичкеринскимъ старикамъ съ просьбой указать имъ способъ выйти изъ смутнаго положенія и научить ихъ адатамъ.

Ичкеринцы, въ то время принявшіе уже мусульманство, затруднялись въ способѣ удовлетворенія просьбъ своихъ соплеменниковъ. Послѣ долгаго совѣщанія они рѣшились наконецъ предложить имъ постановленія, выработанныя посредствомъ соглашенія народныхъ обычаевъ и постановленій корана. Таково, по преданію, происхожденіе адата. Адатъ и шаріатъ

*) Стр. 93.

(т. е. законъ духовный) постоянно чередовались въ своемъ значеніи въ народной юридической практикѣ: во времена господства шаріата значеніе адата падало и наоборотъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что, хотя чеченцы и ингуши ревностные мусульмане, шаріатъ оказалъ вліяніе только на нѣкоторыя стороны жизни народа (напримѣръ на право наслѣдованія жены и дочерей), но и это вліяніе не повсемѣстно, такъ что теперь, насколько по крайней мѣрѣ могъ замѣтить, адаты имѣютъ преобладаніе надъ шаріатомъ, и, въ большинствѣ случаевъ, ссоры и споры мѣстныхъ обществъ разбираются по адату. Слѣдующіе судебные адаты мнѣ удалось узнать отъ чеченцевъ и ингушскихъ стариковъ.

За убійство полагается выкупъ: у чеченцевъ въ 630 р., у ингушей въ 310 р., съ прибавкой 3-хъ лошадей съ верховой упряжью и мелкаго скота. Въ аулѣ Хайрахѣ (Хамхинскаго общества) мнѣ говорили, что за убійство мужчины требовался прежде выкупъ въ 150 коровъ; за убійство женщины — 90 коровъ; теперь за убійство женщины берутъ иногда выкупъ, равный выкупу за убійство мужчины, иногда же половину его. За рану въ голову у чеченцевъ платилось прежде 18 коровъ, теперь 90 руб.. Что касается ингушей, то различаютъ слѣдующіи три способа пораненія въ голову: 1) «до 1-й кости» — за такую рану виноватый обязывался выплатить потерпѣвшему корову и барана; 2) «до 2-й кости», по объясненію г. Леонтьевича *), до твердой мозговой оболочки, за что взымалось три коровы и три барана; 3) рана въ голову «до мозговъ», за которую виновный платитъ 10 коровъ, быка и шелковую рубаху или же 113 руб. 4) за порѣзанье кожи на головѣ платится въ случаѣ небольшого порѣза — 1 баранъ, а въ случаѣ глубокаго порѣза — 3 барана.

За выколотый глазъ у чеченцевъ платилось прежде 300 руб., теперь 150 руб.; у ингушей — 70 коровъ съ прибавкой коня.

*) Адаты II стр. 162.

За отрѣзанное ухо у чеченцевъ полагается таже плата, какъ и за выколотый глазъ; у ингушей — 30 коровъ, если же ухо отрѣзано только до половины, то — 10 коровъ.

За отрѣзанье носа у чеченцевъ платилось прежде 630 руб., теперь 310 руб.; у ингушей за это слѣдуетъ мстить кровью обидчику, въ противномъ случаѣ обидчикъ платитъ 70 коровъ; если рана на носу «до хряща», то 30 коровъ; за небольшую рану на носу — 10 коровъ.

За вырванье бороды у чеченцевъ платы не взымается, противниковъ мирятъ старики и обидчикъ обязанъ устроить пиръ потерпѣвшему и примирителямъ. У ингушей — либо кровавая месть, либо примиреніе, сопровождаемое пиромъ, причемъ обидчикъ обязанъ подарить обиженному коня, барана и араки.

За выбитый зубъ полагалась прежде пеня въ 5 коровъ, теперь въ 25 руб.

Если мужъ или чужой вырветъ косу или просто хватить за косу замужнюю женщину, онъ долженъ заплатить 5 коровъ; за тѣже дѣйствія по отношеніи къ дѣвушкамъ полагалось — 10 коровъ. По словамъ г. Дубровина, прикосновеніе къ тѣлу или платью женщины считается безчестіемъ и вызывало кровную вражду *).

За отрубленную руку платилось 630 р., или 70, иногда и 50 коровъ. За поврежденіе руки, такъ что она не можетъ «дойти до рта», платится за правую руку — 350 руб. или 39 коровъ; за лѣвую — 300 руб., съ прибавкой нѣсколькихъ барановъ.

За поврежденіе или отрубленіе большаго пальца платится 5 коровъ, — указательнаго — 4 коровы, средняго — 3 коровы и такъ далѣе.

За поврежденіе кисти руки полагалось прежде 500 руб., теперь — 200 руб.

За поврежденіе ноги, послѣ котораго она потеряетъ способность дѣйствовать, полагалось у чеченцевъ 300 р. или 30 коровъ;

*) Дубровинъ: Исторія войны и т. д. стр. 477.

у ингушей 70 коровъ. Раны въ ногу оплачивались смотря по силѣ раны отъ 20 коровъ и меньше до 1 коровы, если рана была незначительная. За рану въ правую ногу платилось дороже, чѣмъ за рану въ лѣвую, причемъ прибавка дѣлалась баранамъ.

Кромѣ оцѣнки раны по наносимому ею вреду потерпѣвшему существуетъ иногда и оцѣнка легкихъ ранъ по оружію, которымъ онѣ были нанесены. Такъ, рана кинжальная, если она не коснулась живота и не грозила потерпѣвшему увѣчьемъ, оплачивается 3-мя коровами, иногда 15 руб.; рана легкая шашкой считается почетной и оцѣнивалась въ прежнее время въ 5 коровъ, теперь въ 25 руб.; за нанесеніе легкой же раны изъ пистолета виновный платилъ 10 коровъ, барана и шелковую рубаху.

Плата за лѣченіе раны падаетъ на виновнаго; лѣкару дается за первый осмотръ больного 2—3 рубля, а потомъ особая плата по вылѣченіи больного. Эта плата иногда вычитается изъ пени, которую виновный обязанъ заплатить потерпѣвшему, иногда же не вычитается.

За покушеніе на убійство взимается пеня, иногда нѣтъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ покушенія преслѣдуются, виновный платилъ прежде 10 коровъ; теперь 10 рублей, отдавая въ прибавку барана; послѣ чего стороны заключаютъ миръ.

За кражу лошади взималось у чеченцевъ 18 коровъ, у ингушей 30 коровъ; теперь виновный платитъ стоимость лошади, даетъ барана и заключаетъ мировую.

За кражу быка взималось 5 коровъ и баранъ; теперь по оцѣнкѣ.

За кражу барана съ пастбы виновный платитъ 3 барана; за кражу барана изъ хлѣва—5 барановъ, быка и шелковую рубаху.

За кражу изъ дому бралось обыкновенно 10 коровъ; иногда же дѣлается различіе между кражей изъ сакли около двери и кражей изъ глубины комнаты: въ первомъ случаѣ взимается 20 коровъ, во второмъ—30 коровъ.

За кражу хлѣба съ гумна полагается пени — 10 коровъ, если гумно удалено отъ аула, и 5 коровъ, если гумно расположено близко отъ аула; въ послѣднемъ случаѣ иногда и ничего не взимается; иногда при кражѣ съ гумна не дѣлается различія между гумномъ, находящимся близко отъ аула и расположеннымъ въ удаленіи отъ него, и виновный обязанъ возвратить вдвойнѣ украденное, прибавивъ быка, барана и шелковую рубаху.

Относительно назначенія пени за кражу другъ у друга предметовъ, существуетъ слѣдующее правило, по крайней мѣрѣ въ Нашхойскомъ обществѣ: если украденный предметъ не превосходитъ стоимости трехъ барановъ, уличенный въ похищеніи обязывается возвратить украденное и дать потерпѣвшему еще барана; послѣ этого заключается миръ. Въ случаѣ же, если предметъ стоитъ дороже цѣны трехъ барановъ, виновный, кромѣ возвращенія вещи, обязывался еще приплатить 10 коровъ.

Святотатство карается изгнаніемъ изъ аула. Въ случаѣ, если виновный неизвѣстенъ, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: насыпаютъ на мѣстѣ часто посѣщаемомъ, на дорогѣ или въ самомъ аулѣ, кучу камней; каждый проходящій мимо обязывается бросить на эту кучу камень, проклиная при этомъ виновнаго въ святотатствѣ; это продолжается до тѣхъ поръ, пока наконецъ виновный не будетъ обнаруженъ. Мнѣ самому пришлось видѣть одну изъ такихъ кучъ въ Нашхойскомъ обществѣ, насыпанную по поводу кражи неизвѣстнымъ лицомъ изъ мечети.

Поджоги случаются теперь не особенно рѣдко, но прежде, по увѣренію стариковъ, этотъ видъ преступленія былъ совершенно неизвѣстенъ. Наказаніе за поджогъ не одинаково: въ однихъ обществахъ мнѣ пришлось слышать, что виновный обязанъ выплатить потерпѣвшему стоимость дома и сгорѣвшаго въ немъ имущества по оцѣнкѣ людей, пользующихся довѣріемъ среди своихъ; въ другихъ — что виновный, кромѣ возмѣщенія убытковъ погорѣвшаго, платитъ еще пеню, состоящую изъ 10 коровъ, быка и шелковой рубахи.

За нарушение чести дѣвушки виновный долженъ заплатить 18 коровъ; за лишеніе чести чужой невѣсты или замужней женщины, виновный долженъ заплатить родственникамъ оскорбленной 80 головъ рогатаго скота; если родственники не пожелаютъ принять этого выкупа, виновный принуждается послать въ распоряженіе мужчинъ, родственниковъ оскорбленной, или свою жену, или сестру, или мать *).

Если въ аулѣ станетъ извѣстнымъ, что кто-либо изъ мѣстныхъ жителей съ родственницей прижилъ незаконнымъ образомъ ребенка, то насыпаютъ курганъ изъ камней или передъ саклей виновнаго или на людномъ мѣстѣ аула **).

Такъ какъ родители часто препятствуютъ бракамъ своихъ дѣтей, то чеченцы и ингуши нерѣдко совершаютъ либо насильственное похищеніе дѣвицъ, либо похищеніе ихъ съ ихъ-же согласія противъ воли родителей. Въ первомъ случаѣ, т. е. если дѣвушка не согласна выйти замужъ за похитителя, виновный былъ обязанъ возвратитъ дѣвушку и заплатить родителямъ ея 100 руб. за безчестіе. Въ случаѣ-же согласія дѣвушки выйти замужъ за похитившаго ее или въ случаѣ, если побѣгъ былъ совершенъ съ ея согласія, родители не могутъ помѣшать браку, но имѣютъ право потребовать отъ похитителя полный калымъ.

Кончая этимъ бѣглый очеркъ чеченскихъ и ингушскихъ адатовъ, считаю долгомъ повторить, что они не могутъ быть приняты за адаты, существующіе неизмѣнно у всѣхъ чеченцевъ и ингушей, такъ какъ относительно адатовъ слѣдуетъ замѣтить, что не только каждое общество, но почти каждый аулъ налагаетъ на адаты свой собственный мѣстный отпечатокъ, заставляющій ихъ въ большей или меньшей степени разниться другъ отъ друга ***).